

УДК 343.8
ББК 67.518

Ю.В. Латов,
кандидат экономических наук,
доктор социологических наук, доцент

ИНСТИТУТ ЗАПРЕТА «ВРЕДНЫХ БЛАГ»: ПРОГИБИЦИОНИЗМ VS. АНТИПРОГИБИЦИОНИЗМ*

В статье рассматривается социально-экономическая обусловленность прогибиционизма – запрета на производство и потребление «вредных благ» (наркотиков, алкоголя, платного секса, услуг по эвтаназии и др.), доказывается, что экономическое обоснование прогибиционизма недостаточно аргументировано. Автор предлагает рассматривать прогибиционизм как институт капиталистического общества, направленный на принудительное формирование дисциплинированного работника. Поскольку в современную эпоху формируется новый тип работника, постольку система административных запретов «вредных благ» перестает быть необходимой и начинает постепенно демонтироваться.

Ключевые слова: прогибиционизм; легализация наркоторговли; легализация проституции; легализация эвтаназии; институциональный анализ.

Yu.V. Latov,
Ph.D. in Economics,
Doctor of Sociology, Ass. Professor

THE INSTITUTION OF «HARMFUL GOODS» PROHIBITION: PROHIBITIONISM VS. ANTI-PROHIBITIONISM

The paper considers the social and economic justification of prohibitionism – the prohibition of the production and consumption of «harmful goods» (drugs, alcohol, paid sex, euthanasia services, etc.). It is proved that the economic basis in favor of prohibitionism is not sufficiently plausible. The author suggests viewing prohibitionism as an institution of capitalist society aimed at compulsory formation of a disciplined worker. As a new type of worker is appearing at present, the system of administrative prohibition of «harmful goods» is no longer necessary and gradually begins to disappear.

Key words: prohibitionism; legalization of drug dealing; legalization of prostitution; legalization of euthanasia; institutional analysis.

3. Завершенные процессы легализации запрещенных товаров и услуг

Анализ истории легализации ранее запрещенных товаров и услуг позволяет выделить две модели этой институциональной реформы:

– революционный путь, когда легализация осуществляется «скачком», одним законодательным актом (именно так осуществился демонтаж «сухого закона» в США в 1933 г.);

– эволюционный путь, когда легализация осуществляется «ступенчато», серией последовательных законодательных актов в течение относительно длительного промежутка времени (так происходила легализация в США индустрии азарта и абортных).

3.1. Революционная модель легализации: отмена «сухого закона»

«Сухой закон» почти одновременно ввели в Северной Америке и Скандинавии – странах протестантской культуры, для которой характерно обостренное (в сравнении с католицизмом и православием) неприятие «пороков».

Наиболее известен опыт «сухого закона» в США, где прогибиционизм насаждался поэтапно. В 1905 г. запретили производить и потреблять алкоголь в штатах, к 1916 г. от алкоголя отказались уже 26 штатов. С 1920 г., согласно принятой в 1919 г. 18-й поправке к Конституции США, «сухой закон» действовал уже во всей Америке.

С самого начала запрет на алкоголь не одобрялся большинством американцев, которые вовсе не собирались отказываться от

* Окончание. Начало статьи см.: Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 1. С. 35–45.

его потребления. Ситуация особенно усугубилась после начала «Великой депрессии» в 1929 г., которая создала в Америке атмосферу постоянного стресса и тем самым усилила спрос на алкоголь. В поисках спиртного американцы начали пить всевозможные суррогаты, включая опасные для здоровья (вплоть до технического спирта). Бурно развивалась подпольная торговля спиртными напитками. Главным продавцом спиртного стали теневые дельцы, прямо или косвенно связанные с мафией. Именно в эпоху «сухого закона», благодаря сверхдоходам от бутлегерства, завершилась организационная консолидация «коза ностра» – организации итало-американских гангстеров, которые играли лидирующую роль в преступном мире США до конца XX в.

Современные исследователи рассматривают «сухой закон» как откровенно неудачную реформу. От нее сильно пострадал бюджет страны: по последним подсчетам, государство ежегодно недополучало порядка 1 млрд долл. налогов. От потребления некачественного алкоголя за 13 лет умерло более полутора тысяч человек. Полиция работала неэффективно, поскольку сверхдоходы от бутлегерства и атмосфера общественного неприятия «сухого закона» позволяли мафии легко подкупать полицейских, аресту и заключению подвергались в основном мелкие бутлегеры [4].

Отмена «сухого закона» сразу после прихода к власти в 1933 г. президента Ф.Д. Рузвельта стала в США буквально праздником. Отмена непопулярного запрета резко повысила имидж нового президента и облегчила ему последующее проведение ряда реформ по борьбе с экономическим кризисом.

Революционная модель отмены запрета на «вредные блага», как в США, представляется в целом нетипичной. Эта модель стала возможной в силу довольно специфических обстоятельств: пуританская инициатива правящей элиты не нашла отклика у подавляющего большинства граждан, поэтому юридическая норма проводилась в жизнь без морального одобрения и могла быть легко отменена. Все другие «вредные блага» осуждаются «простыми людьми» гораздо сильнее. Поэтому при их легализации наблюдается обратная тенденция: либеральная элита постепенно убеждает консервативных граждан

примириться с расширением границ дозволенного, в результате чего отмена запрета происходит поэтапно, эволюционным путем.

3.2. Эволюционная модель легализации: легализация индустрии азарта и аборт

Для анализа эволюционной модели легализации тоже лучше всего подходит опыт США. Речь идет о легализации индустрии азартных игр и коммерческих услуг по производству аборт.

И азартные игры, и аборты были запрещены в Америке во второй половине XIX в. Спустя столетие началось обратное, легализационное движение.

В эпоху «Великой депрессии» началась повсеместная легализация азартных игр, поскольку она представлялась властям как один из способов возрождения разрушенной экономики. Например, декриминализация бинго в Массачусетсе в 1931 г. обосновывалась стремлением помочь за счет нового источника доходов церквам и благотворительным организациям.

Центром азартных игр уже в 1930-е гг. стал штат Невада, где было официально разрешено большинство форм игорного бизнеса. Долгое время казино Невады принадлежали мафии, для которой игорный бизнес являлся, с одной стороны, формой отмывания нелегальных доходов и одновременно, с другой стороны, способом проникновения в легальный бизнес.

В 1960–1990-е гг. легализация азартных игр в Америке развивалась по нарастающей линии. В 1978 г. за Невадой последовал штат Нью-Джерси, легализовавший казино с целью возрождения пришедшего в упадок города Атлантик-Сити. К 1994 г. и все остальные штаты, кроме Юты и Гавайи, легализовали те или иные формы азартных игр. С помощью азартных игр власти США смогли хотя бы частично решить некоторые социальные проблемы, наделив привилегированным правом заниматься игорным бизнесом живущих в резервациях индейцев, благотворительные и религиозные организации [2].

По схожей модели поэтапной легализации теневого промысла происходила в Америке и декриминализация аборт.

После запрета на аборты их производство ушло в теневой сектор: криминальными

абортами занимались за плату либо врачи, готовые рисковать своей репутацией ради денег, либо младший медицинский персонал, либо даже люди без медицинской квалификации. В результате каждый год от криминальных абортотворцев погибало несколько сотен женщин.

Легализация абортотворчества началась в США тоже как инициатива властей отдельных штатов. Первым американским штатом, где в 1967 г. произошла легализация абортотворчества по некоторым основаниям, стал штат Колорадо. Переломным был 1973 г., когда Верховный Суд США принял историческое решение по делу Роу против Уэйда, после чего во всех без исключения американских штатах абортотворчества стали узаконены. Смертность женщин в результате прерывания беременности сократилась на порядок по сравнению с 1960 гг. и практически была ликвидирована.

Впрочем, конфликт сторонников и противников легализации абортотворчества в США отнюдь не исчез. В конце XX в. в Америке усилилось движение за «возврат к традиционным ценностям», в результате чего в современной Америке идет острое противоборство между сторонниками и противниками легализации абортотворчества. Отсутствие среди американцев единства мнений о правомерности легализации абортотворчества способствовало тому, что проведение абортотворчества в США осуществляется в основном как чисто коммерческая услуга. Конгресс США запретил использовать средства федеральных фондов для оплаты абортотворчества (за исключением случаев изнасилования, инцеста или угрозы жизни женщины). Таким образом, легализация абортотворчества в 1973 г. привела к формированию новой сферы легальной коммерческой медицины.

Анализ уже завершенных реформ по легализации запрещенных ранее законом товаров и услуг позволяет сделать несколько выводов:

- 1) эволюционная модель легализации более типична, чем революционная;
- 2) при реализации эволюционной модели легализация осуществляется «по цепочке» – от легализации наименее осуждаемых модификаций «вредного блага» до легализации его в принципе;
- 3) при реализации эволюционной модели легализация де-факто часто обгоняет легализацию де-юре (на какое-то время юри-

дические запреты сохраняются, но правоохранительные органы перестают следить за их полным соблюдением);

4) легализация «вредных благ» никогда не приводит к полному отказу государства от регулирования этой сферы экономики (в форме особого режима налогообложения, контроля качества и т. д.).

4. Незавершенные процессы легализации запрещенных товаров и услуг

Те процессы легализации «вредных благ», которые уже полностью завершены, связаны исключительно с теми «вредными благами», которые запрещались только на уровне отдельных государств. Что касается «вредных благ», которые запрещались на уровне мирового сообщества, то здесь пока нет примеров полностью завершенной легализации хотя бы одной разновидности подобных товаров и услуг. Однако относительно каждого из них можно четко зафиксировать тенденцию к легализации. Видимо, мы наблюдаем начальные фазы реализации эволюционной модели легализации, когда происходит постепенная декриминализация наименее осуждаемых разновидностей «вредных благ» отдельными странами.

Рассмотрим эту тенденцию на примере рынков секс-услуг и услуг по эвтаназии.

4.1. Легализация секс-бизнеса

1. Антипрогибиционизм в зарубежных странах. Первыми юридическую легализацию проституции произвели граждане Австралии, где в штате Виктория проституция была легализована еще в 1980-х гг. Лидером движения за легализацию проституции стали некоторые страны Западной Европы, где с середины 1990-х гг. проституция частично или полностью была легализована. Это произошло в Нидерландах, Германии, Франции, Греции. В 2001 г. к движению за легализацию проституции присоединилась Бельгия – в Антверпене создана экспериментальная «зона терпимости», чтобы проверить, к чему приведет легализация проституции. В январе 2002 г. после многих лет частичной легализации в так называемых зонах терпимости, полноценный статус легальной работы приобрела проституция в Германии: сегодня в этой стране развитие индустрии проституции, сутенерства и публичных домов происходит

на законных основаниях. В Италии в 2002 г. премьер-министр С. Берлускони публично заявил о намерении правительства легализовать публичные дома, после чего в Венеции открылась первая в стране «официальная зона проституции».

Широко известен опыт Нидерландов, где легализация осуществлена наиболее последовательно. В этой стране легализована деятельность всех составляющих индустрии секса – самих женщин, их клиентов и сутенеров, которые получили статус законных бизнесменов-посредников. В 2000 г. голландское правительство добилось вердикта Европейского суда, признающего проституцию экономической деятельностью, что дало возможность получению женщинами из стран ЕС и бывшего социалистического лагеря разрешений на работу в Нидерландах в качестве «секс-работниц» при условии, если они докажут, что работают на самих себя. С 1 октября 2000 г. в Нидерландах вступил в силу принятый парламентом закон, отменяющий существовавший до сих пор формальный запрет публичных домов (которые, впрочем, существовали и во время запрета). Фактически это означает полную легализацию проституции, которая приравнена к предпринимательской деятельности и подлежит налогообложению.

В литературе можно найти оценки, что в Нидерландах сфера легальной секс-индустрии составляла на рубеже 1990–2000-х гг. 5 % национальной экономики [6, с. 293]. По мере того как легализовывалось сначала сутенерство, а потом публичные дома, секс-индустрия Нидерландов выросла в 1990–2000 гг. на 25 %. В настоящее время проститутки Нидерландов имеют статус, аналогичный наемным работникам других профессий: платят налоги, имеют право на социальные пособия (включая пособие по безработице и пенсию), создали собственный профсоюз и пользуются юридической защитой (например, имеют право отказаться принимать клиента).

Национальные инициативы по легализации проституции привели к некоторым изменениям и на международном уровне. Так, в отчете за 1998 г. Международной организации труда при ООН предлагалось рассматривать индустрию секса в качестве законного сектора экономики.

2. Антипрогибиционизм в России. Зарубежный опыт легализации проституции сти-

мулировал законодательные инициативы и в России, но пока не вполне удачные.

Первый опыт разработки проекта федерального закона «О проституции», который предполагал лицензирование проституток по образцу Голландии, был осуществлен еще в 1995 г. инициативной группой из администрации Саратовской области. Однако в Государственной Думе дискуссии по этому вопросу так и не состоялись.

В 2004 г. на обсуждении в Государственной Думе появился законопроект «О регулировании платных сексуальных услуг», прошедший второе чтение, разработчиком которого стал депутат третьего созыва Государственной Думы А. Вульф. В представленном им проекте предлагалось квалифицировать проституцию и другие платные сексуальные услуги как «разновидность экономической деятельности, подлежащей государственной регистрации». «Каждый гражданин РФ, достигший 18-летнего возраста, – говорилось в проекте А. Вульфа, – имеет право на свободное использование своих физических данных и имущества для не запрещенной законом экономической деятельности по оказанию услуг сексуального характера». От зарубежных законов о легализации проституции проект А. Вульфа отличался тем, что, легализуя проституцию, он предлагал ужесточать наказание для сутенеров, которых он трактовал не как предпринимателей, а как ненужных посредников.

Летом 2005 г. Государственная Дума проект А. Вульфа отклонила, что, как пишут сторонники легализации проституции, «лишний раз доказало ханжеское отношение государства в лице соответствующих депутатов к данной проблеме» [3]. На самом деле проект А. Вульфа имел очевидные недостатки (запрет на деятельность сутенеров как менеджеров секс-бизнеса), а самое главное, изначально был направлен скорее на инициирование обсуждения проблемы, чем на ее окончательное решение.

Задачу активизации общественной дискуссии проект А. Вульфа вполне выполнил – в последующие годы вопрос о легализации проституции часто поднимался на страницах российских СМИ. Это обсуждение проходит обычно в атмосфере признания того, что легализовать проституцию в России рано или поздно придется, когда массовое обществен-

ное сознание сможет принять концепцию торговли телом как разновидность законного бизнеса.

4.2. Легализация эвтанази

Для анализа проблемы легализации эвтанази надо учитывать, что выделяют два ее вида – активную и пассивную. При активной эвтаназии врач специально ускоряет своим вмешательством смерть пациента (обычно речь идет об отравлении или смертельном усыплении). Как правило, это происходит по просьбе самого больного, который страдает от неизлечимого заболевания и близок к естественной мучительной кончине. При пассивной эвтаназии врач не вмешивается в жизнедеятельность организма пациента, чтобы ускорить его смерть, – он просто не оказывает ему необходимую помощь. Легализация эвтанази начинается с декриминализации пассивной эвтанази и с постепенного отказа от уголовного преследования тех, кто нарушает пока еще существующие запреты.

1. Антипрогибиционизм в зарубежных странах. Пассивная эвтаназия впервые узаконена в 1976 г. решением Верховного суда Калифорнии, сейчас она широко распространена во всех штатах США. В 2004 г. пассивная эвтаназия легализована в Израиле и Франции. К пассивной эвтаназии терпимо относятся также в Великобритании, Германии и Швеции.

Показательна история легализации пассивной эвтанази во Франции, где в ноябре 2004 г. закон об эвтаназии одобрил Сенат Франции. Этот акт был разработан французской ассоциацией врачей. Он предусматривает, что когда принимаемые меры лечения становятся «бесполезными, непропорциональными либо не имеющими другого эффекта, кроме искусственного prolongation жизни», они «могут быть сокращены либо прекращены». Принятию подобного решения во многом способствовала дискуссия, развернувшаяся во Франции вскоре после смерти в 2003 г. 22-летнего Винсена Юмбера: он был парализован после автомобильной аварии и написал книгу «Я требую права на смерть», в которой рассказал, насколько невыносима его жизнь и что он хочет умереть. Несмотря на официальный отказ, мать Винсена Юмбера ввела сыну смертельную дозу

наркотика, после чего ее арестовали за убийство, но вскоре отпустили на свободу.

Несмотря на формальное отсутствие закона, реально пассивная эвтаназия декриминализована и в Великобритании. Для этого создан необходимый прецедент: Высший суд Королевства в 2002 г. удовлетворил требование 43-летней Дианы Претти об отключении аппаратов искусственного дыхания, поддерживающих ее жизнь.

Активная эвтаназия легализована слабее пассивной.

В Нидерландах впервые законодательные инициативы о легализации умерщвления безнадежных больных из милосердия начали рассматривать еще в 1970-е гг. В конце концов, Нидерланды эвтаназию узаконили: с 2002 г. эвтаназия разрешена при определенных, четко оговоренных условиях: эвтаназия может быть применена к больным не моложе 12 лет и осуществлена только по требованию пациента, если будет доказано, что его страдания невыносимы, болезнь неизлечима и врачи не могут ничем помочь. Затем аналогичный закон приняла Бельгия.

В Швейцарии сохраняется формальный запрет на активную эвтаназию, но смертельно больным пациентам, страдающим от сильной боли, врач может выписать «последний рецепт». Либеральное законодательство Швейцарии породило новое направление туризма: жители других стран Европы отвозят своих тяжелобольных родственников в швейцарские клиники, чтобы те смогли «легко умереть».

В США отношение к активной эвтаназии менее терпимое. В этой стране активная эвтаназия разрешена только в одном штате Орегон, где в 1997 г. принят «акт о достойной смерти». Главный американский сторонник активной эвтанази, «доктор-смерть» Джек Геворкян, осуществивший за плату более 130 актов эвтанази, вводя пациентам по их просьбе смертельные инъекции, был в 1999 г. приговорен судом к 25 годам заключения (правда, уже в 2007 г. его освободили).

Следует подчеркнуть, что в зарубежных странах фактическая легализация эвтанази не сопровождается декриминализацией коммерческих услуг по эвтаназии. Это означает, что если один человек помог другому уйти из жизни, не имея собственной выгоды, то он не может быть осужден. Но если он получил

плату за свою помощь, то его поступок рассматривается как корыстное преступление. Такой подход делает производство услуг по эвтаназии уделом только врачей-энтузиастов, готовых оказывать услуги по эвтаназии совершенно бесплатно. В результате эвтаназия выводится из сферы действия рынка, что не соответствует современному пониманию принципов организации системы здравоохранения. В этом отношении легализация эвтаназии пока резко отличается от легализации, скажем, проституции.

2. Антипрогибиционизм в России. Российские врачи в частных беседах признают, что «убийства из жалости» престарелых или тяжело больных в России (как и за рубежом) отнюдь не являются чем-то редким. Такие осуждаемые законом деяния крайне редко становятся объектом расследований, поскольку нет тех, кто был бы в этом расследовании заинтересован, а юридически доказать такое убийство очень трудно.

Объектом общественного внимания проблема эвтаназии стала лишь в 2004 г., когда в Ростове-на-Дону прошел процесс по «Делу об эвтаназии»: курсантка Донского казачьего кадетского профессионального училища № 7 Кристина Патрина и школьница Марта Шкирманова задушили свою парализованную соседку Наталью Баранникову, как они говорили, из жалости. По версии следствия они сделали это из корыстных побуждений – жертва пообещала убийцам в награду 5 тыс. руб. за избавление ее от страданий. Молодые девушки (13 и 16 лет) полностью признали свои действия (но не вину) и были осуждены на 4,5 года (первоначально прокурор требовал по 7,5 лет) [5]. Если бы «убийцы из жалости» не взяли обещанной им платы, этот процесс вообще бы, скорее всего, не состоялся (как это было во Франции в деле матери В. Юмбера), поскольку ни у российских, ни у зарубежных правоохранительных органов нет опыта расследования убийств с целью эвтаназии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что следствие классифицировало произошедшее как «убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное по предварительному сговору, по найму», т. е. как своеобразное наемное убийство.

После «ростовского дела» в России стали возникать инициативы юридической легализации эвтаназии. В 2007 г. в Совете

Федерации был разработан законопроект о легализации эвтаназии в России. В случае его принятия предполагалось, что неизлечимых больных по их просьбе будут лишать жизни, если такое решение утвердит консилиум врачей. Доминирование критических оценок нового законопроекта среди депутатов и в СМИ привело к тому, что он был отвергнут. В данном случае политическая элита проявила, пожалуй, чрезмерную осторожность, поскольку среди россиян доминирует более благожелательное отношение к идее «смерти по собственному желанию»: согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в июле 2006 г., 58 % россиян считают эвтаназию оправданной в тех или иных случаях и только 28 % отвергают ее в принципе [1].

Таким образом, вектором развития современного общества является сдвиг от прогибиционизма к антипрогибиционизму, от административных запретов к личной ответственности граждан. Как и в зарубежных странах, в нашей стране тоже развивается антипрогибиционистское движение и осуществляются первые законодательные инициативы, направленные на ликвидацию запретов по эволюционной модели. Однако, поскольку в России институты гражданского общества относительно слабы, а общественное сознание отличается консервативностью, решающую роль в изменении российского национального законодательства в сторону антипрогибиционизма в ближайшие десятилетия будет играть скорее внешнее влияние развитых стран, чем внутренние инициативы.

Конечно, трудно точно предсказать, как именно будут меняться в ближайшем будущем представления о необходимости юридически запрещать «вредные блага». Очевидно одно – меняться они будут и, вероятнее всего, в сторону смягчения. В таком случае уже сейчас надо менять подготовку работников правоохранительных органов, прививая им понимание объективной текучести общественных представлений о запретах и детально знакомя с зарубежным антипрогибиционистским опытом. Иначе юридические учебные заведения станут готовить тех, кто будет «завтра» реализовывать «сегодняшние» запреты, и правоохранительные органы превратятся в механизм торможения социально-экономических изменений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков Б. В смерти – отказать // Ежедневный журнал. – 2007. – 20 апр. – URL: <http://www.ej.ru/comments/entry/6792/>
2. Законодательное регулирование азартных игр. История вопроса. США. – URL: <http://best-casinos.ru/laws/7.html>
3. Ланская П., Спектор Е. Правовые основы легализации проституции в России // Вестник игорного бизнеса. – URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16&Part=4>
4. Сухой закон. 10 фактов (2005). – URL: <http://100gramm.com.ru/sz10.php>
5. Шнайдер А. Эвтаназия по-волгодонски (2004). – URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/04/29-124.html>
6. Штереншиц М. Всемирная история всемирной проституции. – Ростов н/Д : Феникс, 2006.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Zhukov B. V smerti – otkazat' // Ezhednevnyy zhurnal. – 2007. – 20 apr. – URL: <http://www.ej.ru/comments/entry/6792/>
2. Zakonodatel'noe regulirovanie azartnykh igr. Istoriya voprosa. SShA. – URL: <http://best-casinos.ru/laws/7.html>
3. Lanskaya P., Spektor E. Pravovye osnovy legalizatsii prostitutsii v Rossii // Vestnik igornogo biznesa. – URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16&Part=4>
4. Sukhoy zakon. 10 faktov (2005). – URL: <http://100gramm.com.ru/sz10.php>
5. Shnayder A. Evtanaziya po-volgodonski (2004). – URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/04/29-124.html>
6. Shterenshis M. Vsemirnaya istoriya vsemirnoy prostitutsii. – Rostov n/D : Feniks, 2006.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич (Москва) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра. Академия управления МВД России (125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru)

Information about the author

Latov, Yuriy Valeryevich (Moscow) – Doctor of Sociology, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Leading Researcher, Research Center. Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs (8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, e-mail: latov@mail.ru)